

“ПЯТЬ КРЕСТОВ” ПОД КОЛОМНОЙ: РЕДКИЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС XVII в.

© 2023 г. А. Б. Мазуров^{1,2,*}

¹Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Россия

²Свято-Филаретовский институт, г. Москва, Россия

*E-mail: mazurov.ab.1970@mail.ru

Поступила в редакцию 12.10.2022 г.

После доработки 12.10.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

В научный оборот вводится известный уже более двух веков, но полностью не описанный и не проанализированный памятник “Пять Крестов” конца XVII столетия, располагавшийся в Усмерской волости древнего Коломенского уезда (ныне в черте г. Воскресенск, микрорайон Москворецкая). Раскрывается насыщенная история его изучения, дается полное научное описание с привлечением ранней иконографии, анализируется топографический и культурный контекст. Мемориальный комплекс, сочетавший намогильную плиту и несколько вертикально стоящих крестов, не имеет аналогов ни среди средневековых надгробий, ни среди памятных крестов. Относящийся к категории кенотафов-“воспоминаний”, он был изготовлен в июле 1688 г., вероятно, по инициативе вдовы и сына местного мелкопоместного землевладельца князя Я.О. Щетинина. Образцом послужил более ранний подобный памятник легендарным зарайским князьям 1665 г. Монумент “визуализирует” древний топоним “Пять Крестов”, представляя собой фактически инсталляцию на заданную тему, что хорошо вписывается в так называемую эпоху средневекового историзма, характерную для второй половины XVII в.

Ключевые слова: Московская Русь, средневековое белокаменное надгробие, памятные кресты, мемориальный комплекс, Коломенский уезд, Пять Крестов, XVII в.

DOI: 10.31857/S0869606323020137, **EDN:** RGGXLZ

В предметной культуре средневековой Руси особое место занимают каменные надгробные памятники — важный источник по религиозным представлениям широких масс сельских и городских обитателей, их эстетическим пристрастиям, особенностям историко-культурного взаимодействия страны с соседними народами и государствами (Беляев, 2006. С. 7, 8). Среди надгробных памятников выделяются надгробные плиты, камни-валуны, плитки-таблицы (не только каменные, но и керамические) и кресты. Последняя категория находок — редкая для Подмосковья. В последнее время Пять Крестов несколько раз упоминались в литературе (Алексеев, 2011. С. 453; Алексеев, Кузьменко, 2020а, С. 103–106; 2020б), однако, по существу, они остаются не опубликованными (ссылки даются на литературу и иконографию XIX в.). Комплекс у погоста Пять Крестов — уникальное явление, введению которого в научный оборот посвящена настоящая публикация. Его совершенно особое место определяется как нетипичным сочетанием двух, как правило, независимых и существующих раздельно разновидностей (каменные надгробная плоская плита и вер-

тикально стоящий крест, которых к тому же несколько!), так и необычным вниманием к нему видных представителей отечественной культуры первой половины XIX в.

Памятник расположен в южной части современного г. Воскресенск Московской области, близ железнодорожной платформы Москворецкая (рис. 1), на территории дворовладения по ул. Семиславской, д. 7, в северо-восточной его части, примыкая с востока длинной стороной к забору из сетки-рабицы (который делит участок пополам), в 5.6 м от уступа первой надпойменной террасы, недалеко (около 8 м) от берегового уреза воды когда-то небольшой речки Семиславка, ныне запруженной плотинами и широко разливающейся.

Впервые на редкое надгробие с крестами обратил внимание крупный церковный деятель рубежа XVIII–XIX вв. митрополит Московский и Коломенский Платон (Левшин). В юности он учился в Коломенской духовной семинарии и, вероятно, тогда же получил первые известия о памятнике. Епархиальный архиерей в начале

Рис. 1. Расположение памятника “Пять Крестов” (обозначено красной точкой). Карта 1941 г. Ныне местность г. Воскресенск значительно изменилась.

Fig. 1. Location of the “Five Crosses” site (marked with a red dot). Map of 1941. Now the area of Voskresensk has changed significantly

1800-х годов намеревался провести раскопки под ним, но намерение это так и не осуществилось (Московский телеграф, 1828. С. 589). Вскоре памятник почтил своим вниманием будущий знаменитый писатель и основатель жанра русского исторического романа И.И. Лажечников. Примерно в 1820 г. 30-летний офицер – участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, проживая в отцовской усадьбе Кривякино (ныне центр г. Воскресенск), в очередной раз посетил церковный погост Пять Крестов. Вот что он сообщал читателям “Московского телеграфа”: “На берегу (р. Семиславки) ... воткнуты в дикие камни пять крестов, из дикого же камня, довольно искусно изсеченные. В юности моей я слышал от жителей, что деды им рассказывали о незапамятности существования сих крестов; носится предание, что здесь покоится прах знаменитых Русских Князей, убитых в бывшем в сем месте с Татарами сражении. Старожилы тамошние, даже близкие помещики, утверждали также, что некогда стоял на берегу большой памятник с непонятною для них надписью; но что камень сей вдавлен временем в землю, совсем его закрывшую, а на месте его поставлен новый, в который вложены помянутые кресты. Церковь вблизи их деревянная, старая, и доныне называется церковь пяти крестов. Была за несколько десятков лет, на месте ее другая, весьма древняя, которая сгорела, и в ней будто бы сгорели какая-то старые бумаги. Недалеко от селения находится круглая валовая насыпь, обсаженная, или обросшая деревьями” (Московский телеграф, 1828. С. 588, 589). И.И. Лажечников получил даже разрешение от местного помещика Норова на проведение раскопок “камня, лежащего под спудом земным”.

Однако из-за плохой погоды поздней осенью это желание так и не реализовалось.

В начале 1840-х годов “весьма достопримечательное место” посетил и сделал его собственноручный рисунок (рис. 2) известный “палеолог” того времени Н.Д. Иванчин-Писарев. Он увидел поновленную в 1829 г. Никольскую церковь, которая была срублена еще в середине XVII в. князем Яковом Осиповичем Щетининым, который, по преданию, собственноручно носил на стройке бревна. “Подколоменские Пять Крестов” описаны внимательно и подробно: “Близ этой церкви, недалеко от берегов Семиславки, стоят пять каменных крестов: четыре утверждены на одном большом камне, а пятый, поменее других, на приставленном к ним, особенном. Близ них лежит шестой, выросший в землю (вероятно приготовленный соорудителем для своего праха). Неподалеку видны пять курганов, около коих нередко выкапывают стрелы. Есть предание, что эти пять крестов поставлены над телами пяти воевод, павших в Ляхолетье. Позднейшая надпись, означающая только год 7196 (1688) и несовременная никакому там побоищу, дает предполагать, что каменные кресты были поставлены на месте деревянных каким-нибудь здешним владельцем, потомком одного из убиенных, и вероятнее всего упомянутым князем Яковом Щетининым, современником надписи” (Иванчин-Писарев, 1843. С. 38). Так одно-единственное известное имя без какой-либо критической проверки было легко соединено с безымянным объектом. Н.Д. Иванчин-Писарев связал с памятником находившиеся рядом курганные насыпи. “По находящимся тут же пяти курганам также можно полагать, что под крестами никто не похоронен, а поставлены они в память похороненных под этими насыпями и для

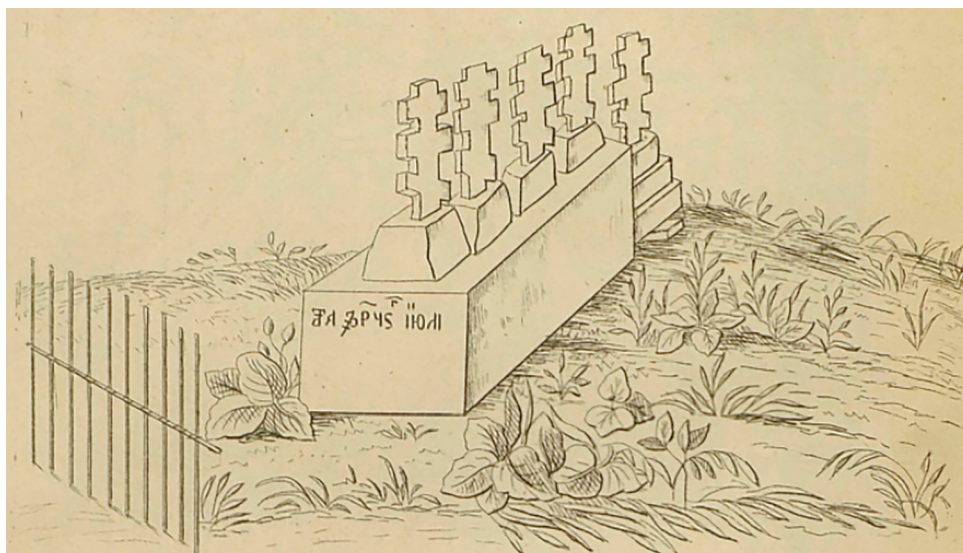

Рис. 2. Рисунок монумента (по: Иванчин-Писарев, 1843).
Fig. 2. Drawing of the site (after Ivanchin-Pisarev, 1843)

означения, что тут лежат русские, ибо и враги наши засыпали своих убитых такими же. Может быть старые деревянные, или эти самые каменные кресты стояли на пяти курганах; в течение 80 лет могли попадать от осадки насыпей, — и благочестивый князь собрал их вместе и утвердил близ храма” (Иванчин-Писарев, 1843. С. 40). Впервые Н.Д. Иванчин-Писарев указал и размеры крестов: “Все они осмиконечные с малыми внизу голгофами. На большом камне кресты длиною 1 1/4 аршина, шириною 1 аршин¹. Большой камень длиною 2 1/2 аршина, шириною 1 аршин; с западной стороны он шире, как обыкновенно кладутся надгробные” (Иванчин-Писарев, 1843. С. 39). Из сопоставления этих заметок с текстом И.И. Лажечникова можно предположить, что в 1829 г. одновременно с “поновлением” храма было расчищено белокаменное основание крестов с ранее нечитаемой надписью. Предполагаем, что это прямое следствие публикации И.И. Лажечникова 1828 г. Читающая дворянская публика, причисленная со времен Н.М. Карамзина с вниманием относиться к “историческим достопамяностям”, после появления заметки в толстом журнале “второй столицы” проявила инициативу в благоустройстве столь интересного комплекса.

Если принять во внимание свидетельство Н.Д. Иванчина-Писарева о создателе памятника Я.О. Щетинине, то мы обретаем редкий в практике изучения средневековых надгробий факт — имя заказчика. Так ли это? Систематизация данных о нем (Фролов, 2019. С. 18, 19) показывает,

¹ Этот параметр явно ошибочен. Возможно, следует читать “1/2 аршина”.

что это был небогатый помещик Коломенского уезда из Рюриковичей (ветвь Ярославских князей). Родился в 1619 г., его отец князь Осип Григорьевич Щетинин был выборным дворянином Коломенского уезда и к концу своей карьеры числился вторым в местной дворянской корпорации. Осип Щетинин воевал с поляками и литовцами в Смутное время, а умер на государевой службе при осаде русскими войсками Смоленска в 1634 г. Яков был его единственным сыном. В юности он служил при царском дворе в качестве жильца, позднее получил чин московского дворянина. В 1634 г. унаследовал отцовское поместье д. Тереховское-Турыгино в Усмерском стане, а в 1646 г. он стал владельцем ряда пустошей в соседней Мезынской волости (Новоселки, Юрино и Яковлево). Яков Осипович участвовал во многих боях и походах, в том числе в войне с Речью Посполитой 1654—1667 гг., за что был награжден прибавками денежного и поместного окладов. В 1672 г. “за литовскую службу” часть поместных земель пожалована князю в вотчину. В переписных книгах Коломенского уезда 1677—1678 гг. за Я.О. Щетининым отмечены д. Терехова, Турыгино тож Усмерского стана (5 дворов и 18 душ крестьян мужского пола) и селцо Новоселки Мезинской волости (помещичий двор, 5 крестьянских дворов и 24 души мужского пола). Последний пункт (напомним, что селцо — место проживания землевладельца, собственно его двор с хозяйственными постройками) расположен недалеко от погоста Пять Крестов, и князь, несомненно, был прихожанином местной Никольской церкви. Рюрикович был малопоместным дворянином с весьма скромным достатком. В 1684—1685 гг. Я.О. Щетинин руководил переписью Курского

уезда, а в 1686 г. умер на государственной службе в г. Ахтырка. Таким образом, версия Н.Д. Иванчина-Писарева о его участии в установке сохранившегося до наших дней памятника не подтверждается, так как Я.О. Шетинин умер за два года до того. Скорее всего, монумент поставили вдова князя и его сын. Именно в 1688 г. Степанида Шетинина (по первому мужу Очина-Плещеева, ум. в 1702 г.) и его сын Иван били челом о справке за ними отцовского поместья — д. Турыгино. Возможно, именно они стали инициаторами возведения достопамятного знака недалеко от храма, построенного мужем и отцом.

Продолжим обзор изучения Пяти Крестов. Новый виток внимания к памятнику падает на 1860-е годы. В сведениях о курганах Московской губернии, собранных благодаря местным священникам, имеется такая информация: "... на берегу речки... стоят пять старинных крестов с надписями совершенно истертymi; по преданию — это могилы пяти храбрых витязей, павших в бою, происходившем в этой местности. Невдалеке от этих крестов семь больших курганов" (Сведения..., 1876. С. 7). В конце 1860-х годов уездный врач и член-основатель Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете А.М. Анастасьев провел раскопки Пятикрестовских курганов. Как оказалось, курганы находились на церковной земле погоста Пяти Крестов. "Пять курганов в виде фермуара² с ожерельем расположились невдалеке от погоста на месте открытом и возвышенном... В народе говорят, что здесь схоронены пять богатырей" (Донесение..., 1876. С. 13). Насыпи были раскопаны "колодцами". В двух из них оказались женские одиночные захоронения с семилопастными височными кольцами, а другие три оказались пустыми (очень может быть, что погребения были расположены в ямах и просто не достигнуты) (Донесение..., 1876. С. 12–14).

Прокомментируем приведенные сведения. На наш взгляд, заслуживает внимания явный символизм: пять курганных захоронений — пять крестов³ на памятнике "Пять Крестов" (топоним). Ценно и уточнение местоположения памятника относительно самой Никольской церкви. В XIX в. Пять Крестов стояли не близ нее, не на расположенном рядом кладбище и не близ курганов (расположенных на церковной земле), а в некотором отдалении от них — никак не менее

² Фермуар (из франц.) — застежка в виде дуги или ожерелье такой же формы.

³ Об особом символическом значении именно пяти крестов ничего неизвестно. Правда, в позднем Житии Паисия Угличского XVII–XVIII вв. содержится интересный рассказ о том, что строительству собора в Покровском монастыре предшествовал ряд знамений, в числе которых было явление над местом будущего собора пяти сияющих крестов, висевших в воздухе (Сосновцева, 2013. С. 260–265).

100 м. С точки зрения владельческой принадлежности это была земля сельца Колыберево, а не Никольского погоста. Можно даже сказать, что он тяготел к пограничью владений. Неизвестно точно, такой ли была ситуация в позднем средневековье. Как бы то ни было — перед нами визуальное и пространственно отдельный от кладбища и церкви памятник.

Имеются неясные данные (сохраненные устной традицией) о раскопках под пятикрестовским монументом в 1920-х годах (Фролов, 2019. С. 9, 10). Не имея возможности проверить эти почти вековые предания, проанализируем сохранившиеся ныне остатки вкуче с иконографическими источниками.

Внимательный осмотр (автор статьи периодически осматривал памятник с конца 1980-х годов) в натуре памятника не подтверждает сведений о проведенных раскопках. Основной монолит лежит строго горизонтально, без признаков какой-либо просадки грунтов под ним (что неизбежно произошло бы в случае перемещения земли в процессе раскопок). Маловероятно, что после якобы имевших место раскопок монумент был заново профессионально установлен. Это подтверждается и ровной пристыковкой малого камня, который также лежит строго горизонтально, к основному блоку.

До наших дней сохранились лишь две плиты основания (рис. 3). Никаких следов крестов нет, и судить о них можно лишь по изображениям, о чем скажем ниже. Основной (большой) камень представляет собой классическое белокаменное надгробие конца Московского царства. Это массивная известняковая плита, в сечении слабо трапециевидная, с расширением кверху. Замеры по торцевому изножию (лишенному надписи): вверху — 65 см, внизу — 62. Толщина самой плиты в изножию — 46.5–47 см, по средней части — 47.5–48, в изголовье она увеличивается до 52.5. Верхняя плоскость плиты неровная, с кавернами, без орнамента, также трапециевидной формы: длина по центральной оси — 218 см (по краям 218.5), ширина в изножию — 65, в изголовье — 92. По верхней площадке по центру идут четыре не идеально округлых углубления под основания крестов. От изножия первое из них на расстоянии 28.5 см, размерами 12.5 × 12 см, чашевидной формы, глубиной 2–2.5; второе — на расстоянии 80 см, размерами 13.5 × 15 см, чашевидное, глубиной 3.5; третье — на расстоянии 135.5 см, размерами 19 × 16, блюдцевидное, глубиной 2.7; четвертое — на расстоянии 182.5 см, размерами 15.5 × 14.5, блюдцевидное, глубиной 3.5. Углубления выполнены грубо, без применения циркульного инструмента. Все верхние ребра плиты сбиты (обколоты). Орнамент, ограниченный сверху и снизу заглубленной контурной линией (графьей), помещен

Рис. 3. Две плиты (основная и приставная малая) основания монумента. Фото автора, 2020 г.
Fig. 3. Two slabs (the main and attached small ones) of the monument base. Photo by the author, 2020

Рис. 4. Орнамент на боковых гранях основной плиты памятника. Фото автора, 2020 г.
Fig. 4. Ornament on the lateral faces of the main slab of the monument. Photo by the author, 2020

только на ее длинных боковых гранях. Ширина полосы орнамента от графы до графы — 18 см. Сверху вниз он такой: крупные треугольники, затем два противопоставленных пояса более мелких треугольников, “шнур”, полоса средних треугольников (рис. 4). Орнамент можно охарактеризовать как типичный для надгробия позднего XVII в.

Малый (приставной) камень лежит сейчас даже чуть ниже уровня земли на 1–2 см. Это почти квадратный параллелепипед без орнамента, размерами 69 × 73.5 × 21 см. В центре — округлое углубление диаметром 13 см и глубиной 0.5–1, внутри него меньшая ямка диаметром 6 см и глубиной 4.5.

В целом сохранившийся большой камень-основание надо определить как характерное надгробие второй половины—конца XVII столетия, приспособленное для размещения изготовленных крестов. На его большей торцевой части в полном соответствии с традициями этого периода должна была разместиться надпись — когда и кто под ним похоронен. Однако вместо этого мы читаем лишь начало формулярной надписи в одну строку, она не отцентрирована и идет от правого края (рис. 5):

...А ЗРЧС^Г ІЮЛІ

Перевод: “Лета 7196(1688)-го июли”. Первая буква в строке утрачена. Судя по рисунку начала 1840-х годов (рис. 2), здесь была лигатура из трех знаков (ЛЪТ), от буквы А осталась нижняя часть с перекладиной. Далее буквенной цифирью под титлом идет год, за ним — выносная “г” под титлом, и далее — название месяца. Неполные надписи, особенно даты, достаточно часто фиксируются на белокаменных надгробиях.

Кресты в настоящий момент не сохранились. Они были уничтожены примерно в конце 1920-х—1930-е годы. В конце 1930-х годов, когда тут возникла жилая застройка, крестов однозначно уже не было. Судить о них можно только по иконографическим источникам. Это кресты на подножиях-голгофах с тремя равноконечными перекладинами, нижняя из которых косая. Четыре одинаковых креста были размещены на основном монолите, а пятый — на приставном камне, причем под голгофу был подложен еще один блок, так что этот крест возвышается как бы на ступенчатой пирамидке (рис. 2). На рисунке Н.Д. Иванчина-Писарева все кресты выглядят очень ровными. Однако сохранившееся фото⁴ (Московский краевед, 1928. С. 69) представляет их не вполне симметричными (см. рис. 6). Возможно,

⁴ Такая же фотография малых размеров хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 177. П. 55. Д. 17.

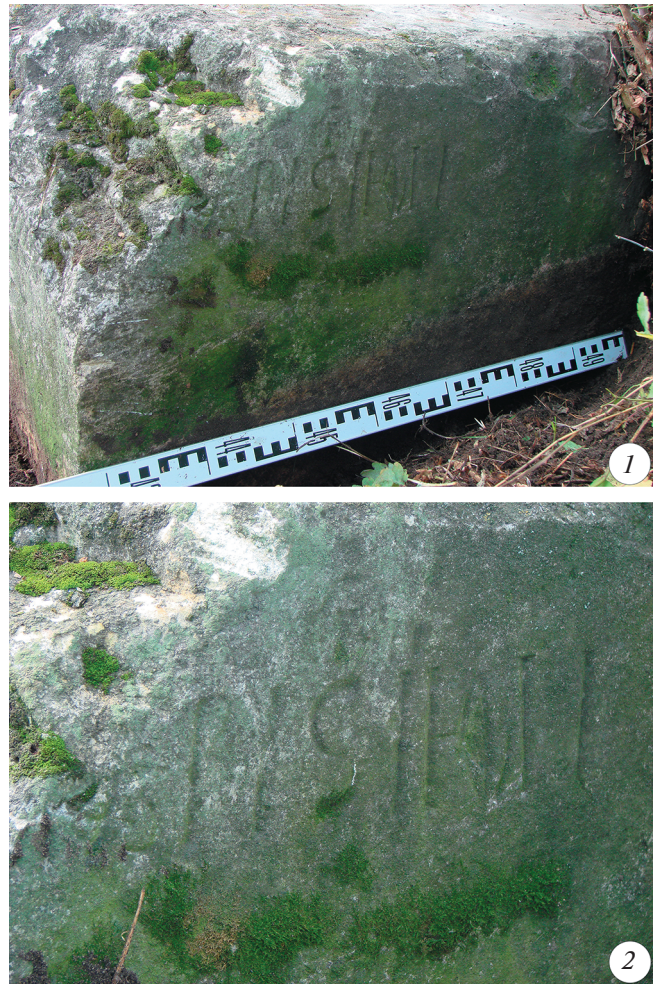

Рис. 5. Надпись на торцевой части оголовья памятника. 1 — общий вид; 2 — крупный план. Фото автора, 2020 г.

Fig. 5. Inscription on the end part of the monument head structure. Photo by the author, 2020

это работа не очень умелого резчика, который их и устанавливал в грубо изготовленные углубления. Как отмечалось выше, эта стыковка монолитов и крестов выполнена не вполне профессионально. Как будто бы голгофа приставного креста должна была прямо опираться на малый камень, для чего в центре него выточено блюдцеобразное углубление. Однако тут был добавлен промежуточный меньший блок и уже на нем укреплен крест на изножии.

Не так давно А.В. Алексеев и С.В. Кузьменко рассмотрели сведения о среднерусских каменных крестах-кенотафах, в круг которых был вписан и памятник с погоста Пять крестов (Алексеев, Кузьменко, 2020б). Они продемонстрировали, что в XVII в. каменные кресты в ближних и дальних окрестностях Москвы устанавливались преимущественно (или даже исключительно) в связи

со случаями насильственной гибели. Это были не столько надгробные сооружения, сколько памятные знаки на месте трагических событий, близких или далеких по времени. Источники описанной традиции видятся такими. С одной стороны, это новгородско-псковское понимание каменных крестов XIV–XVI вв. как преимущественно надгробных памятников. С другой — центрально-европейская традиция того же времени трактовки каменного креста как преимущественно памятника на месте трагедии⁵. Кладбищенские намогильные кресты в Московском регионе бытовали в последней четверти XV — первой половине XVI в., позже эта традиция не закрепились (Алексеев, Кузьменко, 2018), а вот кенотафы относятся к более позднему времени: 1520-е годы — конец XVII в. Для верификации этих интересных предположений необходимо накопление нового материала.

Пятикрестовский монумент совершенно однозначно относится к кенотафам — “воспоминаниям”. Твердо установленный факт — топоним “Пять Крестов” существенно древнее (как минимум на 110 лет), чем сам монумент. Дело в том, что он фиксируется Писцовой книгой Коломенского уезда 1577–1578 гг. как название погоста (Город Коломна и Коломенский уезд..., 1872. С. 594). Это означает, что еще до того реально существовали какие-то пять крестов, давшие жизнь топониму. Были ли это пять более древних белокаменных крестов (поклонных?) близ погоста-кладбища (один из них, вросший в землю, отмечен в начале XIX в.), или же, по версии Н.Д. Иванчина-Писарева, в какой-то период пять деревянных крестов стояли на пяти же курганах, расположенных поблизости — решить невозможно по недостатку данных. Ясно лишь одно, в конце XVII в. имела место мемориализация памятного места, своего рода “визуализация” названия. По существу, мы имеем дело с некой инсталляцией на тему топонима.

Можно предположить, что одной из аналогий, подтолкнувших Степаниду и Ивана Щетининых на создание оригинального памятника, стало захоронение легендарных зарайского князя Федора, его супруги Евпраксии и их сына младенца Ивана Постника в г. Зарайск. Пятикрестовский храм был посвящен святителю Николаю Чудо-

творцу, а ближайшим центром его культа был Зарайск с чудотворной иконой Николы Зарайского. Об этом не могли не знать ни клирики церкви, ни ее прихожане. В 1665 г. стольник Н.Г. Гагарин “по рассмотрению летописной книги” (т.е. Повести о разорении Рязани Батыем, входящей в Цикл Повестей о перенесении чудотворного образа Николы Зарайского) заказал мастерам изготовление трех белокаменных надгробий с крестом на каждом из них и трехстрочной посвятельной надписью (современное их состояние см. Алексеев, Кузьменко, 2020а. С. 101), установленных в Зарайском кремле (Диттель, 1859. С. 6).

Увы, в отличие от стольника Н.Г. Гагарина, никаких “летописных книг” у родственников князя Я.О. Щетинина не имелось. Именно поэтому на торцевой части надгробия зафиксирована лишь дата (год и месяц). Место монумента не относилось к территории прицерковного кладбища, но для создания монумента было закуплено стандартное белокаменное надгробие типичной для него формы и с типичным же для того времени орнаментом. Не позднее момента покупки была выполнена (вполне профессионально, так как она выдает руку мастера-резчика) надпись. Надгробие было привезено на место, после чего монтировались и укреплялись белокаменные кресты, изготовленные менее профессионально и без надписей.

Что они отмечали и с какими событиями связаны их прототипы, давшие жизнь топониму, достоверно установить невозможно (обзор версий см. Фролов, 2019. С. 17–26). Совершенно однозначно, что в качестве памятного факта не могут рассматриваться события Смутного времени (“Ляхолетья”, по Н.Д. Иванчину-Писареву), ибо топоним упомянут в Писцовой книге 1577/1578 гг. Надо учесть, что для закрепления топонимической традиции необходимы как минимум несколько десятилетий. Массовые трагические события в Коломенском уезде происходили летом 1521 г., во время прорыва за Оку крымской орды хана Мухаммед-Гирея (примеры памяти об этих событиях в других местностях см. Алексеев, Кузьменко, 2020а. С. 41, 108). Ранее прорывы татар случались в этих краях в 1408, 1439, 1451, 1454–1455 гг. (Мазуров, 2001. С. 161, 162). Однозначно связать появление ранних пяти крестов с каким-либо событием, в том числе с более ранним, невозможно.

Итак, можно предполагать, что оригинальный комбинированный памятник из белокаменного надгробия, дополнительной приставной плиты и пятью восьмиконечными крестами на голгофах был создан в июле 1688 г. вдовой и сыном местного помещика князя Я.О. Щетинина — Степанидой и Иваном (не исключено, что по обету умершего мужа и отца) по образцу зарайского памятника ле-

⁵ К приведенным авторами фактам добавим еще один. Барон С. Герберштейн, бывший в России в 1517 и 1526 гг., в разделе “Хорография” своих знаменитых “Записок о Московии” при описании Рязанской земли приводит интересную, хотя и недостоверную фактически деталь. Рязанские князья Федор и Василий Ивановичи в первые годы XVI в. якобы схлестнулись в кровопролитном сражении за власть. В этом сражении один из них пал, а потом на тех же полях умер и победитель. “В память об этом там был воздвигнут деревянный крест”, — сообщил Герберштейн (1988. С. 136, 327, прим. 419).

Рис. 6. Рисунок памятника “Пять Крестов”. Худ. Н.И. Башмаков, 1972 г. (по фото 1928 г.).

Fig. 6. Drawing of the “Five Crosses” site by the painter N.I. Bashmakov, 1972 (according to the photo of 1928)

гендарному княжескому семейству Федора, Евпраксии и их сына Иоанна Постника 1665 г. Вероятно, он “мемориализовал” в белом камне название местности, самого погоста и храма. Нет никаких сомнений, что когда-то у него имелись реальные прототипы в виде значительно более древних деревянных или каменных крестов. “Пять Крестов” — уникальный и один из самых поздних памятников среди кенотафов-“воспоминаний” эпохи заката Московского царства.

Вторая половина—последняя треть XVII в. — особое время для становления исторического самосознания, своеобразного “средневекового историзма”. Предания, родословцы, сказания и летописи начинают подкреплять не только первыми “историческими” сочинениями, но и камнем — надгробиями давно умерших людей, заново нарезанными родовыми легендами и семейными историями. Существует, помимо уже упомянутого яркого факта из г. Зарайск, немало примеров, иллюстрирующих отмеченное явление. Так, в середине и конце 1650—1670-х годов Осип Иванович Полев близ церкви своего владения (с. Новое в Полеве Даниловского уезда Ярославской губ.) и в Иосифо-Волоколамском монастыре приказал изготовить плиты в память своего далекого предка князя Ф.Ю. Фоминского, жившего в середине XIV в. (Кавельмахер, 1989. С. 480—482). В конце XVII в. рязанские дворяне стали инициаторами нарезки плиты о переносе в 1543 г. в рязанском Солотчинском монастыре останков своего далекого предка из XIV в. — боярина Ивана Миросла-

вича (мурзы Хоросмира) (Гераськин, Нагорнов, 2008. С. 84). Представляется, что памятник “Пять Крестов” вполне соответствует контексту своеобразного “оживления прошлого” финального этапа Московской Руси.

Сердечно благодарю за ценные советы, замечания и возможность обсуждения этой статьи чл.-корр. РАН Л.А. Беляева (ИА РАН).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.В.* Средневековый каменный крест из Звенигорода // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2011. С. 449—454.
- Алексеев А.В., Кузьменко С.В.* “Московские” каменные кресты XV—XVI веков с геометрическим декором. Каталог памятников // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2018. С. 307—329.
- Алексеев А.В., Кузьменко С.В.* Московские средневековые каменные кресты с геометрическим декором. М.: Звенигород: ИА РАН, 2020а. 124 с.
- Алексеев А.В., Кузьменко С.В.* О среднерусских каменных крестах-кенотафах XVI—XVII веков // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 16. М.: ИА РАН, 2020б. С. 202—207.
- Беляев Л.А.* Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средневековое надгробие XIII—XVII веков. Материалы к своду. Вып. 1 / Отв. ред. Л. А. Беляев. М.: Наука, 2006. С. 7—30.
- Гераськин Ю.В., Нагорнов В.П.* Памятная плита Ивана Мирославича (мурзы Хоросмира) в рязанском Со-

- лотчинском монастыре // Российская археология. 2008. № 2. С. 84–89.
- Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1988. 430 с.
- Диттель И. Старина в г. Зарайске и его уезде // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 2. СПб., 1859. С. 1–12.
- Донесение уполномоченного члена-основателя Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии А. М. Анастасьева, составленное по журналу о раскопках курганов Коломенского уезда // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Антропологический раздел. Т. XX, кн. 2, вып. 1. М., 1876.
- Иванчин-Писарев Н.Д. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843 (обл. 1844). 166 с.
- Кавельмахер В.В. Фрагмент памятной плиты первой половины XVII века из Иосифо-Волоколамского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. М., 1989. С. 480–484.
- Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV–первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.: Александрия, 2001. 542 с.
- Московский краевед. 1928. № 7–8. 180 с.
- Московский телеграф. 1828. Ч. 19. 600 с.
- Город Коломна и Коломенский уезд. Список с писцовой книги 7086 (1577–1578) г. // Писцовые книги Московского государства. Ч. 1, отд. 1. СПб., 1872. С. 291–611.
- Сведения о курганах России // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Антропологический раздел. Т. XX, кн. 2, вып. 1. М., 1876.
- Сосновцева Е.Г. Житие Паисия Угличского как памятник русской региональной агиографии XVII–XVIII вв.: лингвотекстологическое исследование: дис. ... канд. филолог. наук. СПб., 2013. 341 с.
- Фролов А.Н. Неразгаданная загадка Пяти Крестов // Гуслицы. Историко-краеведческий альманах. Вып. 14. Ильинский Погост, 2019. С. 4–26.

“FIVE CROSSES” NEAR KOLOMNA: A RARE 17th-CENTURY MEMORIAL COMPLEX

Aleksey B. Mazurov^{a,b,#}

^aState University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Russia

^bSt Philaret Institute, Moscow, Russia

[#]E-mail: mazurov.ab.1970@mail.ru

The article introduces the monument “Five Crosses” (the late 17th century), known for more than two centuries but not yet fully described and analyzed. It is located in Usmerskaya volost of the former Kolomna district (now Moskvoretzkaya residential area of the city of Voskresensk). The paper reveals a rich history of studying the site, provides its full scientific description involving early iconography, and analyzes the topographic and cultural context. The memorial complex including the tombstone and several vertical crosses has no analogues either among medieval tombstones or among commemorative crosses. Being a kind of cenotaph of remembrance, it was erected in July 1688, probably, at the initiative of the widow and son of a local landowner, Prince Ya.O. Shchetinin. It was based on the example of an earlier similar monument to the legendary princes of Zaraysk of 1665. The monument visually embodies the ancient toponym “Five Crosses”, representing in fact an installation on a set theme, which was typical for the second half of the 17th century, the so called era of “medieval historicism”.

Keywords: Moscow Rus, medieval white tombstones, memorial crosses, memorial complex, Kolomna uyezd (district), Five Crosses, the 17th century.

REFERENCES

- Alekseev A.V., 2011. Medieval stone cross from Zvenigorod. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 11. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 449–454. (In Russ.)
- Alekseev A.V., Kuz'menko S.V., 2018. “Moscow” stone crosses of the 15th–16th centuries AD with geometric décor. A catalogue of monuments. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 14. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 307–329. (In Russ.)
- Alekseev A.V., Kuz'menko S.V., 2020a. Moskovskie srednevekovye kamennye kresty s geometricheskim dekorom [Moscow medieval stone crosses with geometric décor]. Moscow; Zvenigorod: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 124 p.
- Alekseev A.V., Kuz'menko S.V., 2020b. On Central Russian stone cenotaph crosses of the 16th–17th centuries AD. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow region: Proceedings of a scientific seminar]*, 16. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 202–207. (In Russ.)
- Belyaev L.A., 2006. New achievements in the study of gravestones of the Middle Ages. *Russkoe srednevekovoe*

- nadgrobie XIII–XVII vekov. Materialy k svodu [Russian medieval gravestone of the 13th–17th centuries AD. Materials for the register]*, 1. L.A. Belyaev, ed. Moscow: Nauka, pp. 7–30. (In Russ.)
- Dittel' I., 1859. Antiquity in the city of Zaraysk and its uyezd (district). *Arkhiv istoricheskikh i prakticheskikh svedeniy, odnosyashchikhsya do Rossii [Archive of historical and practical information with regard to Russia]*, 2. St. Petersburg, pp. 1–12. (In Russ.)
- Frolov A.N., 2019. The unsolved mystery of the Five Crosses. *Guslitsy. Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh [Guslitsa. Local history almanac]*, 14. Il'inskiy Pogost, pp. 4–26. (In Russ.)
- Geras'kin Yu.V., Nagornov V.P., 2008. Memorial stone of Ivan Miroslavich (Murza Khorosmir) in the Solotcha Monastery near Ryazan. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 84–89. (In Russ.)
- Gerbershteyn S., 1988. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. A.I. Malein, A.V. Nazarenko, transl. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 430 p.
- Ivanchin-Pisarev N.D., 1843 (1844). Progulka po drevnemu Kolomenskomu uезду [Walking around old Kolomna uyezd (district)]. Moscow. 166 p.
- Kavel'makher V.V., 1989. A fragment of a memorial stone of the first half of the 17th century AD from the St. Joseph Monastery in Volokolamsk. *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya [Monuments of culture. New discoveries]*, 1988. Moscow, pp. 480–484. (In Russ.)
- Mazurov A.B., 2001. Srednevekovaya Kolomna v XIV–pervoy treti XVI v. Kompleksnoe issledovanie regional'nykh aspektov stanovleniya edinogo Russkogo gosudarstva [Medieval Kolomna in the 14th – first third of the 16th century AD. A comprehensive study of regional aspects in the formation of a unified Russian state]. Moscow: Aleksandriya. 542 p.
- Moskovskiy kraeved [Moscow local historian], 1928, 7–8. 180 p.
- Moskovskiy telegraf [Moscow telegraph], 1828, 19. 600 p.
- Sosnovtseva E.G., 2013. Zhitie Paisiya Uglichskogo kak pamyatnik russkoy regional'noy agiografii XVII–XVIII vv.: lingvotekstologicheskoe issledovanie: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk [The life of Paisius of Uglich as a monument of Russian regional hagiography of the 17th–18th centuries AD: Linguotextological research: a thesis for the Doctoral Degree in Linguistics]. St. Petersburg. 341 p.
- The town of Kolomna and Kolomna uyezd (district). A copy from the Cadastre of 7086 (1577–1578). *Pistsovye knigi Moskovskogo gosudarstva [Cadastral books of the Moscow State]*, part. 1, 1. St. Petersburg, 1872, pp. 291–611. (In Russ.)
- Report of the authorized founding member of the Society for Natural Science, Anthropology and Ethnography A.M. Anastasyev, compiled according to the logbook of the excavations in burial mounds of Kolomna uyezd (district). *Izvestiya Imperatorskogo Obshchestva lyubitely estestvoznaniya, antropologii i etnografii. Antropologicheskiy razdel [News of the Imperial Society for Natural Science, Anthropology and Ethnography. Anthropology section]*, vol. XX, part 2, iss. 1. Moscow, 1876. (In Russ.)
- Information about the mounds of Russia. *Izvestiya Imperatorskogo Obshchestva lyubitely estestvoznaniya, antropologii i etnografii. Antropologicheskiy razdel [News of the Imperial Society for Natural Science, Anthropology and Ethnography. Anthropology section]*, vol. XX, part 2, iss. 1. Moscow, 1876. (In Russ.)